

С детства пристала к нему эта народная отметина. За что — теперь уже и не вспомнит никто. За неутомимость, соседствующую с суетливостью, может быть? Ни годы на фронте, ни работа потом в райкоме партии не повлияли, не смогли изменить это прозвище. По документам и официально он Иван Васильевич, а в разговорах — Воробей. Так Ивана не только односельчане за глаза величали, но и жена к нему так обращалась. Даже внуки в разговорах с друзьями называли деда не иначе как Воробьём.

Поехал как-то Иван с женой Евдокией да двумя внуками по малину. В мотоцикле с коляской, хоть и в тесноте, все уместились. По малину так по малину — даже ружьишко не взял. Да и ни к чему оно — не на охоту в не охотничий сезон ехал, и от села недалеко. От крайней пашни до старых вырубов километра три, если ещё и набиралось.

Заросли вырубá малинником, грех было не запастись в зиму вареньем. И сушёная малинка при простуде не бывает лишней. Почти до вырубов довёз дед своих ягодников, да забарахлил на мотоцикле карбюратор.

— Вы идите, тут рядом, а я карбюратор сниму, промою, продую и подъеду к вам.

Слышал он от людей, что медведь ягодников пугает, но не придал тому значения. «Тайга большая, не обязательно, что мишка окажется именно на том ягодном месте. Раз на раз не сходится, вот и мы с ним разойдёмся. Делить нам с ним нечего и встречаться нет нужды», — рассуждал дед Иван.

Ушли домочадцы, а у деда сердцу беспокойно — второпях ремонтирует. Немного малины успели набрать ягодники, когда почти рядом рявкнул медведь. Да если бы раз-другой рявкнул, а то ведь такую ревишшу¹ поднял. Евдокия ребят к себе созвала, и все с криками да воплями из малинника бегом что есть мочи, поспешили подальше от опасности унести ноги. Хоть и не слышат погони, а страх всё равно гонит и гонит. Как там было, никто не знает. Может быть, медведь, услышав крики и визги, сам от ягодников ломанулся наутёк. Возможно, выгнав незваных гостей, остался лакомиться сладкими лесными дарами.

Воробей только что закончил ремонт и завёл мотоцикл, чтобы проверить его работу. Сквозь шум двигателя слышал нешуточные крики, догадался, кто мог выгнать сборщиков из малинника. Поехал навстречу, хоть все уже близко были. Круто развернулся, чуть сбавив скорость. Все почти на ходу ввалились на свои места. С медведем шутки плохи, лучше поскорее уехать, от греха подальше.

В пути все наперебой рассказывали, как рявкал зверюга. Там-то и выяснилось, что младшенький внук заикаться стал. Привёз дед домочадцев в село,

¹ Ревшша (*гуалект.*) — сильный рёв.

а самому не терпится повстречаться с тем медведем, поквитаться с ним за внука. С ружьишком и молодой собачкой пошёл Иван на те вырубка. Собака-первогодок, почуяв следы медведя, заскулила и стала жаться к хозяину. А следопыт среди вытоптанного малинника едва не наступил на свежую кучку, которой медведь пометил малинник.

«Таким-то рёвом он может завтра и других напугать. А если не только напугает? Может и задрать кого. Никто не знает, что ему в башку взбрѣдѣт. Зверю-то, может быть, шуточки, а людям каково? Горе, одним словом. Ну, косолапый, ты у меня получишь своё, не будешь больше пугать людей», — пообещал бывалый охотник.

Дома Иван из рессоры выточил подобие длинной стамески, а в выходной около малинника выдолбил в толстой берёзе почти сквозное углубление. Высоко вырубил, для этого пришлось чурку подставлять. Поставил внутрь баночку мѣда, а вокруг углубления острые штыри вколотил остриями к мѣду. Между остриями штырей только его рука проходила. Медвежья лапа по ходу штырей к мѣду могла с трудом протиснуться, но не обратно. Хоть и магазинный мѣд, а не со своей пасеки, но дикие пчѣлы и шмели заметили лакомство, стали переносить к себе дармовое угощение.

«Пчѣлы не пролетают мимо, и ты захочешь отведать ароматной сладости. Тут ты и будешь дожидаться меня. Не разыскивать же тебя среди буреломов? Я здесь дожидаться не буду — нет гарантий, что скоро окажешься на этих вырубках», — рассуждал Иван Васильевич скорее сам с собой, чем с медведем.

Под вечер следующего дня дед с ружьишком посеменял проверить ловушку. Пусто, не достал

медведя медовый дух. Подлил он свежую порцию мёда, поставил баночку до завтрашнего прихода.

Лишь на четвёртый день, подходя, увидел медведя, обнявшегося с берёзой. До земли слезть не может — штыри в лапу больно врезались. Видно, что пытался грызть дерево, да только не перегрызть такую-то толщину.

Вогнал Воробей пулевой патрон и стал обходить Топтыгина, выбирая место, удобное для выстрела. Зверь, чувствуя человека, рванулся и выдернул окровавленную лапу. С рёвом на трёх ногах понёсся на охотника. Не очень удачный выстрел в лоб только больше разозлил и без того разъярённого зверя. Успев перезарядить, почти в упор выстрелил в грудь. Зверь тогда был уже на задних лапах, чтобы наброситься, отомстить обидчику за причинённую боль. Еле успел отскочить Иван, чтобы не оказаться подмятым падающей тушей — второй выстрел оказался смертельным. Промедлил бы — и уже не только для медведя, а для него самого исход таёжного поединка мог оказаться смертельным.

Хоть и без свидетелей случилась встреча, и не афишировал её Иван, но скоро разнеслось по селу:

— Опять Воробей хозяина тайги завалил. И снова в одиночку.

— Ай да Воробей! Вот везёт человеку!

— А косолапому поделом. Теперь никого не будет пугать зверюга.